

Просьба на месте преступления снимать обувь

1

Они стояли перед дверью одной из квартир жилого дома. После того как Рэйко Хосё нажала на звонок, дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка, и в узком проеме показалось мужское лицо. Полицейский инспектор Кадзамацури уверенным движением продемонстрировал свое удостоверение, и в то же мгновение выражение лица Юя Тасиро, мужчины за дверью, изменилось.

По всей видимости, их визит стал для него неожиданностью, притом очень неприятной. «Ну да, тут уж ничего не поделаешь», — подумала Рэйко. Вообще, надо сказать, что людей, способных предугадать появление полицейских у своего порога, почти не бывает. А людей, радушно их встречающих, и того меньше.

— Чем обязан вашему визиту?

— Дело в том, что... — Инспектор Кадзамацури сделал значительную паузу и лишь затем изложил суть дела,

по которому они прибыли: — Мы бы хотели расспросить вас о Хитоми Ёсимото.

— Пого... погодите, инспектор. С чего это вдруг ею заинтересовалась полиция? Неужели она что-то натворила?

— Ох, судя по вашей реакции, вы еще не знаете... — Инспектор Кадзамацури немного помолчал, внимательно наблюдая за собеседником. — Вчера вечером Хитоми Ёсимото была убита.

— Что вы такое говорите?! — Юя Тасиро казался искренне потрясенным. Он снял цепочку с двери и вышел из квартиры, уже обутый. — Что ж, в таком случае давайте поговорим в другом месте.

Не приглашая полицейских внутрь, Тасиро захлопнул за собой дверь с такой поспешностью, будто намеревался не позволить им сделать и шагу вперед.

Вот только прежде чем дверь захлопнулась, Рэйко кое-что заметила: в прихожей, в углу, среди небрежно брошенных на полу кроссовок и офисных кожаных ботинок, аккуратно стояли милые туфельки белого цвета на каблуке.

Так вот почему он не захотел впускать их. Видимо, у него там уже новая девушка.

Внезапно в памяти Рэйко всплыл образ найденной вчера жертвы: убитая Хитоми Ёсимото была обута не в туфельки на каблуке, а в высокие сапоги...

Если в городе Кунитати* недалеко от места убийства вы вдруг приметили «ягуар» цвета «серебристый металлик», то можете быть уверены, что это автомобиль инспектора Кадзамацури. Серебристые «ягуары» в Кунитати встречаются крайне редко, а убийства случаются и того реже.

* Кунитати — небольшой город в префектуре Токио. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Суббота, 15 октября, 19:30

Южный выход со станции «Кунитати» ведет к роскошному центру города, где сам воздух пропитан культурной жизнью: здесь, на оживленной Университетской улице, беспрестанно толпятся студенты и офисные работники. Стоит же вам выйти с противоположной стороны, через северный выход, и пройти несколько метров, как вы окажетесь в тихом спальном районе Кита-2-тёмэ*, который, впрочем, сегодня был не менее оживленным: возле трехэтажного многоквартирного дома сновали полицейские в форме.

Похоже, инспектор Кадзамацури уже прибыл на место. Выйдя из патрульной машины и мельком взглянув на припаркованный неподалеку «ягуар» серебристого цвета, Рэйко Хосё поднырнула под желтую ленту, на которой было написано: «Место преступления. Не пересекать!» Взбежав по железной лестнице, располагавшейся с внешней стороны здания, она направилась к квартире номер триста четыре, у двери которой стоял рядовой полицейский. Рэйко коротко ему поклонилась и вошла внутрь.

Это была самая обычная квартира-студия, рассчитанная на одиночек. Небольшая прихожая переходила в коридорчик с ковровым покрытием на полу; в конце него виднелась фигура облаченного в английский костюм-тройку инспектора Кадзамацури.

— Ох, ну наконец-то ты добралась. А я уже начал переживать, не заплутала ли ты где-нибудь по дороге, одзё-сан**.

* Адрес включает в себя номер микрорайона, так как в Японии, за исключением автомагистралей и центральных проспектов, отсутствуют названия улиц.

** Одзё-сан — обращение к молодой женщине, сходное с «барышней» в русском языке.

— Прошу прощения, — вежливо извинилась Рэйко, однако тут же твердо добавила: — Послушайте, инспектор, не могли бы вы перестать меня так называть? А то ведь и другие за вами подхватят.

— Правда? Ну что ж... — Инспектор с невинным видом чуть склонил голову набок, как будто задаваясь вопросом, что же в этом такого неуместного.

Инспектор Кадзамацури был холостым мужчиной тридцати двух лет. Вот только холостяком он был вовсе не обычным. Дело в том, что его отец возглавлял крупную автомобильную компанию «Кадзамацури Моторс», а сам он являлся наследником внушительного семейного состояния. Иными словами, его вполне можно было назвать «завидным женихом из самых сливок высшего общества».

Меж тем он работал инспектором в полицейском участке Кунитати, что неизменно вызывало недоумение у окружающих. На вопрос, почему же он решил выбрать профессию полицейского, Кадзамацури всякий раз отвечал с непринужденной улыбкой:

— Вообще-то, я мечтал стать профессиональным бейсболистом.

И хотя ответ его звучал скорее как шутка, было похоже, что скрывалась в нем и доля правды. Поговаривали, что, когда инспектор учился в старшей школе, его имя было достаточно известно в бейсбольных кругах.

Вероятно, тут можно было углядеть параллель с историей Ханагаты Мицуру — богатенького наследника компании «Ханагата Моторс», которому не удалось попасть в бейсбольную команду «Хансин Тайгерс» и который — за неимением лучших вариантов — также пошел в полицейские. Ну или, если выражаться еще короче, охарактеризовать инспектора Кадзамацури можно было бы таким

образом: очередной мажорчик заделался в инспекторы. Правда, сам он на это наверняка бы обиделся.

Рэйко Хосё его недолюбливала, чего, по всей видимости, инспектор Кадзамацури совершенно не замечал.

И как только такой несообразительный человек вообще умудрился стать инспектором!

— Жертва, проживавшая в этой квартире, — девушка двадцати пяти лет, Хитоми Ёсимото, работала по временному контракту в различных компаниях. Иди посмотри. — Инспектор Кадзамацури указал на дверь в конце коридора.

Осторожно приоткрыв ее, Рэйко ступила на место преступления.

Это была комната с деревянным полом*, площадью примерно в восемь татами**. Тело жертвы лежало лицом вниз у самого входа, руки и ноги были широко раскинуты, образуя иероглиф 大. К счастью, следов крови нигде не было видно, и Рэйко, уже подготовившаяся к ужасающей сцене убийства, где, куда ни глянь, все залито кровью, облегченно вздохнула. Правда, тут же ее охватило странное чувство — будто в представшей ее взору картине что-то не сходилось.

Причина, видимо, крылась во внешнем виде жертвы: джинсовая мини-юбка, рубашка в стиле кантри и маленький рюкзачок на спине — все указывало на то, что она куда-то собиралась. И еще одна подозрительная деталь: на ногах Хитоми Ёсимото были уличные ботинки. Точнее, высокие сапоги коричневого цвета.

* При описании японских комнат обычно уточняют, идет ли речь о традиционном помещении с татами или о комнате западного типа с более привычным для нас напольным покрытием.

** Восемь татами занимают около тринадцати квадратных метров.

В комнате... и в сапогах? Как странно.

Рэйко уже было погрузилась в размышления, как вдруг где-то сбоку вновь принялся докучливо гундеть инспектор Кадзамацури.

Ах нет, это он, конечно, не докучливо гундит, а делится «ценнейшими замечаниями».

— Давай-ка для начала предположим, что на жертву напали в тот самый момент, когда она вернулась домой. И хотя Хитоми Ёсимото отчаянно сопротивлялась, силы оказались неравны, и нападавший задушил ее уже здесь. На первый взгляд все выглядит вполне логично. Однако что-то здесь не сходится. Как ты уже заметила, Хосё-кун*, в коридоре, ведущем в эту комнату от входной двери, не осталось никаких грязных следов, более того, деревянный пол в комнате тоже совершенно чист. А ведь жертва в сапогах! Тебе не кажется это подозрительным?

Рэйко, разумеется, и сама заметила эту странность в ту же секунду, как приступила к осмотру места преступления, безо всяких подсказок со стороны инспектора. Она уже хотела прямо ему об этом сообщить, но вовремя одумалась: а вдруг своим замечанием испортит начальнику настроение?

— Вы абсолютно правы, инспектор. — Рэйко решила сделать вид, будто искренне восхищена его дедуктивными способностями. — Но как же подобное могло произойти?

Она задумалась: возможно ли, что жертву убили где-то в другом месте, а затем переместили сюда? Ведь если преступник действительно перенес тело в комнату на руках, на полу не осталось бы никаких следов от обуви...

* Кун — «дружеский» суффикс, который обычно добавляют к мужским именам. Однако в деловой среде он может использоваться и при обращении к нижестоящей по должности женщине.

Не успела Рэйко додумать свою мысль до конца, как инспектор Кадзамацури тут же произнес:

— Судя по всему, жертву убили в другом месте, а затем переместили сюда. Очевидно, что никаких следов на полу не останется, если перенести тело на руках.

Да ведь это же один в один размышления Рэйко! У нее возникло чувство, будто инспектор попросту украл ее мысли.

Ну да ладно... В любом случае, если это предположение верно, то круг подозреваемых значительно сужается — примерно в два раза. Ведь получается, что преступник — мужчина, так как вряд ли среднестатистическая женщина смогла бы самостоятельно переместить тело.

Едва эта мысль мелькнула в голове Рэйко, как...

— Точно! Преступник — мужчина! — воскликнул инспектор Кадзамацури, вновь опередив ее. — Маловероятно, что женщина смогла бы перенести тело с места на место. К тому же, чтобы быстро задушить противника в борьбе один на один, необходимо значительное физическое превосходство. Следовательно, убийца однозначно был мужчиной.

— Как и ожидалось, вы невероятно проникательны, инспектор.

Инспектор Кадзамацури, безусловно, обладал одним уникальным талантом — быстрее всех озвучивать самые очевидные вещи. Вот только продолжать восхищенно соглашаться с ним Рэйко была уже не в силах.

— Инспектор, а не слишком ли поспешно утверждать, что преступником был мужчина, действовавший в одиночку? Ведь если допустить, что злоумышленников было двое, то вполне можно представить, что, объединив усилия, даже женщины смогли бы не только задушить жертву, но и без особого труда переместить ее тело.

— Ну уж мне-то этого объяснять точно не нужно. Такая версия пришла мне в голову, лишь только я увидел сцену преступления.

Наглая ложь! Он явно задумался об этом только после ее слов! Вот же самодовольный павлин!

— Что-то не так, Хосё-кун?

— Нет-нет, что вы. Ваши рассуждения, как всегда, безупречны, инспектор.

Никакого другого ответа просто не пришло ей на ум. Оставалось лишь в очередной раз признать, что инспектор Кадзамацури вызывал у нее стойкую неприязнь.

Вскоре после того, как была проведена экспертиза, выяснились первые важные детали. Приблизительное время смерти — шесть часов вечера. Причиной смерти, как и предполагалось, стало удушение. Других травм или признаков насилия в ходе экспертизы обнаружено не было. Орудием убийства, скорее всего, послужила тонкая веревка.

Дождавшись, пока тело увезут, Рэйко приступила к повторному осмотру квартиры.

И хотя ей было неловко так думать об убитой, даже из деликатных соображений она не смогла бы назвать комнату хоть сколько-нибудь опрятной: книжные полки ломились от вываливающихся оттуда книг, диски не умещались на предназначенную для них стойку, а специальный ящик для газет был до отказа забит старыми выпусками, накопившимися за месяц. Постель жертвы также осталась в том самом виде, в котором, судя по всему, Хитоми Ёсимото покинула ее утром. Впрочем, надо думать, для одинокой женщины подобный беспорядок не был чем-то из ряда вон выходящим.

Погруженная в размышления Рэйко подошла к единственному в комнате окну, служившему также и выходом

на небольшой балкон — размером около одного татами. Там висела веревка для белья, на которой сушилась куча самых разных вещей: рубашки, джинсы, носки и даже кроссовки.

Подоспевший инспектор Кадзамацури, в свою очередь, кажется, заинтересовался не столько сушившейся там одеждой, сколько веревкой для белья. Принявшись внимательно ее изучать, он забормотал:

— Орудием убийства, скорее всего, послужила тонкая веревка...

У Рэйко мелькнуло дурное предчувствие.

— Инспектор, вы же не собираетесь предположить, что убийца, задушив жертву, использовал эту веревку, чтобы развесить на ней постиранные вещи убитой?

— Ну разумеется, ни о чем подобном я вовсе не думал.

Да уж, конечно. Рэйко была уверена: еще секунду назад именно эта версия крутилась у него в голове.

— Вероятнее всего, орудие убийства преступник забрал с собой. Веврка ведь не такой уж громоздкий предмет.

— Да, пожалуй, — согласился инспектор и вернулся в комнату, в мгновение ока потеряв всякий интерес к веревке для сушки белья. — Что ж, пора нам взять показания у свидетеля, обнаружившего тело. Это молодая женщина по имени Эри Сугимура, проживающая в одном доме с жертвой — в квартире номер триста один. Работает в офисе. Ей, как и Хитоми Ёсимото, двадцать пять лет. Они часто встречались, чтобы пропустить стаканчик-другой, и, по сути, их можно назвать «подружками по бокалу».

Эри Сугимура обнаружила тело жертвы около семи часов вечера, когда по обыкновению заглянула к подруге — позвать ее немного расслабиться за бутылочкой спиртного. По словам свидетельницы, еще с порога она почувствовала неладное.

— Дверь в квартиру была не заперта, а ведь Хитоми-тян* всегда следила за этим и ни за что не забыла бы зашелкнуть замок. Я подумала, что она, скорее всего, дома, поэтому открыла дверь и позвала ее, но в ответ — тишина. Внутри стояла крошечная темень и как будто бы никого не было. Однако, хорошенько приглядевшись, я заметила, что дверь в конце коридора приоткрыта, а за ней словно кто-то лежит. Я испугалась и бросилась в комнату... Включила свет — и увидела, что это Хитоми-тян...

Потрясенная смертью подруги, Эри Сугимура сразу же достала телефон и позвонила в полицию.

По непреложным правилам расследования человек, который обнаружил тело, рассматривается как потенциальный подозреваемый. Однако в речи Эри Сугимур ничего подозрительного не ощущалось. Таким образом, если ее слова соответствовали действительности, можно было заключить, что жертву обнаружили примерно через час после убийства. Не загляни в тот вечер Эри Сугимура к подруге, вполне вероятно, что тело нашли бы только на следующий день — а может, даже и позже.

Завершив опрос Эри Сугимур, инспектор Кадзамацури и Рэйко Хосё покинули квартиру номер триста четыре и отправились брать показания у соседей.

Скорее всего, именно благодаря своевременному обнаружению тела им удалось выяснить несколько важных для расследования деталей.

Следующим свидетелем выступил владелец дома, мужчина средних лет по имени Кэнсаку Кавахара, проживавший на первом этаже. Он заявил, что видел жертву незадолго до ее смерти.

*Тян — уменьшительно-ласкательный суффикс.

— Случилось это, когда я вышел за вечерней газетой. В нашем доме почтовые ящики находятся на первом этаже, у лестницы, и вот там-то я и столкнулся с Ёсимото-сан*. Она была одна и, насколько я понял, возвращалась домой от станции. Ёсимото-сан прошла прямо возле меня. Да-да, это точно была она. На ней были джинсовая мини-юбка и коричневые сапоги.

— В котором часу, говорите, это было? — уточнил инспектор и, явно красясь, сверился со своими часами «Ролекс».

— Хм, вышел я сразу после окончания телепередачи, которую крутят в пять часов, так что, думаю, было около шести.

Итак, предполагаемое время смерти — в районе шести часов вечера — подтверждалось.

— А как вела себя Ёсимото-сан в тот день? Разговаривали ли вы с ней? — В голосе инспектора Кадзамацури отчетливо слышалось нарастающее волнение.

— Да, я ее поприветствовал, на что она растерянно ответила «спасибо» и почти бегом поднялась по лестнице. Если сейчас так подумать, то и впрямь Ёсимото-сан вела себя как-то странно. Обычно она куда более приветлива и вежливо со мной здоровается: я ведь все же хозяин дома.

— А чем вы занялись после того, как повстречали Ёсимото-сан?

— Ну как же, к себе в квартиру вернулся. Да-да, именно так. Не верите — так у владельца фруктовой лавки напротив спросите. Он как раз вышел на улицу, когда мы с Ёсимото-сан столкнулись у почтовых ящиков.

* Сан — нейтрально-вежливый суффикс, по своим функциям соответствует обращению по имени-отчеству в русском языке.

Разумеется, детективы тут же направились к фруктовому магазину, располагавшемуся через дорогу. Владелец лавки подтвердил показания Кэнсаку Кавахары:

— Да, я видел, что Кавахара-сан вернулся в свою квартиру после того, как поздоровался с прошедшей мимо него молодой женщиной.

Больше от хозяина фруктовой лавки никакой информации получить не удалось — впрочем, в том, что он не мог круглосуточно наблюдать за домом напротив, ничего удивительного не было.

Следующую важную зацепку в деле предоставил студент Ясуо Моритани, проживавший на втором этаже. Он заявил, что, «возможно, слышал шаги убийцы».

— Я живу в квартире номер двести один. Как вы сами можете видеть, она находится прямо у лестницы, поэтому я часто слышу шаги поднимающихся и спускающихся по ней людей, а поскольку лестница металлическая, звук разносится весьма хорошо. Шаги, которые я услышал в тот вечер, были особенно громкими, прямо топот. «Дын-дын-дын» — вот такой примерно был звук. Мне показалось, что кто-то быстро бежал вниз. Тогда я не придавал этому особого значения, но, раз на третьем этаже произошло убийство, теперь подумал, что, вполне возможно, это был звук шагов убежавшего преступника. Что? Во сколько это было? Хм... Думаю, около шести.

И вновь это совпадало с предполагаемым временем убийства.

— Слышали ли вы еще какие-нибудь шаги в тот вечер?

— Может, конечно, и слышал, да не запомнил. Даже те шаги около шести вечера запомнились мне совершенно случайно.

Больше Ясуо Моритани ничего сообщить не смог, и детективы, завершив опрос свидетелей, вновь направились на третий этаж, к месту происшествия.

— Инспектор, как вы думаете, можем ли мы полагать, что шаги, которые слышал Ясуо Моритани, действительно принадлежали убийце, покидавшему место преступления? — спросила Рэйко, поднимаясь по лестнице.

— Нет, пока еще рано делать такие выводы. Это вполне могло быть какое-то постороннее топание, не имеющее никакого отношения к убийству.

Что ж, если он прав, то это серьезно осложнит расследование. Впрочем, с преступлениями такое не редкость.

— Но показания Кэнсаку Кавахары уж точно важны, не так ли? Около шести часов вечера возвращавшаяся домой Хитоми Ёсимото столкнулась с ним возле почтовых ящиков. Таким образом, мы можем утверждать, что на тот момент она была еще жива. Значит, убийство произошло непосредственно вслед за этим. Она поднялась по лестнице на третий этаж, прошла по коридору к квартире триста четыре — и вот, когда уже собиралась разуться у входной двери, ее и убили. Затем убийца перенес тело в комнату с деревянным полом. Верно, инспектор?

Именно такое заключение логично вытекало из того, что тело жертвы было найдено в сапогах. Вот только инспектор Кадзамацури, словно бы потешаясь над выводом Рэйко, тут же возразил:

— Ха! Как знать, Хосё-кун. — Он насмешливо хмыкнул. Кажется, инспектор вдруг решил примерить образ Амати Сигэру*, потому как, прежде чем озвучить собственную гипотезу, характерно нахмурился.

— А что, если, например, преступник убил Хитоми Ёсимото в комнате с деревянным полом, а затем собственноручно надел на нее сапоги — лишь для того, чтобы сбить

* Актер второй половины XX века, известный ролью «крутого детектива».

полицию с толку и создать видимость, будто убийство произошло за пределами комнаты? Как тебе такой вариант? По мне, так очень даже правдоподобный.

— Нет, инспектор, мне это кажется крайне маловероятным, — мгновенно возразила Рэйко. — Надеть обувь на труп куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Здесь стоит еще обратить внимание на то, что сапоги жертвы на высокой шнуровке: такую обувь и на себя-то порой непросто натянуть, не говоря уже о трупе. Сомневаюсь, что убийца стал бы тратить время на столь трудоемкое дело.

— Да, конечно, я с тобой полностью согласен, — тут же поддержал ее инспектор Кадзамацури. — Обуть труп — что за нелепость! Если бы убийца попытался проделать подобное, наверняка остались бы какие-нибудь следы, которые мы сразу обнаружили бы при первичном осмотре. Да и как вообще можно обуть труп со спины? Нет, это абсолютно невозможно. Не так ли, Хосё-кун?

— Да... Вы совершенно правы, инспектор.

А ведь всего минуту назад вот прямо на этом месте кто-то драматично хмурил брови и утверждал, что надеть сапоги на труп — «очень даже правдоподобный вариант». Интересно, кто же это был?

Рэйко оставалось лишь изумляться тому, как ловко инспектор переобувается в воздухе.

Когда они подошли к триста четвертой квартире, их уже подждал один из детективов. Очевидно, он что-то обнаружил: едва заметив инспектора Кадзамацури, детектив тотчас бросился к нему.

— Вот что мы нашли в ящике компьютерного стола.

Обнаруженными предметами оказались фотография и ключ. Ключ был явно не от квартиры этого дома — несмотря на обветшалость здания, здесь использовались

современные высокозащитные замки со сложной комбинацией штырей и бороздок. Найденный же в компьютерном столе Хитоми Ёсимото ключ был совершенно другого типа.

— Ого, что это у нас? — Инспектор Кадзамацури с интересом поднес фотографию поближе к глазам. — Хитоми Ёсимото с каким-то молодым человеком? Значит, жертва состояла в романтических отношениях. Тогда может ли быть, что это ключ от его квартиры? Хм-хм, как интересно.

Рэйко сразу же догадалась, к чему клонит инспектор. Ранее они уже обсуждали, что с немалой долей вероятности убийцей был мужчина, а конфликты между возлюбленными нередко становятся мотивами преступлений.

— Молодой человек жертвы — это же просто идеальный подозреваемый, — довольно произнес инспектор Кадзамацури, не выпуская фотографии из рук. — Давай-ка для начала покажем снимок Эри Сугимуре, — предложил он и, не дожидаясь ответа Рэйко, выбежал из квартиры.

Эри Сугимура узнала мужчину на фото с первого взгляда:

— Ах, это же он! — воскликнула она. — Примерно полгода назад Хитоми-тян временно направили на замену в компанию, где работал этот человек. Кажется, его звали Юя... Юя Тасиро.

2

На следующее же утро, в воскресенье, инспектор Кадзамацури и Рэйко Хосё отправились домой к Юя Тасиро, откуда они уже втроем переместились для беседы в ближайшее кафе.

Юя Тасиро был тридцатитрехлетним мужчиной, который, несмотря на свой еще достаточно молодой возраст,